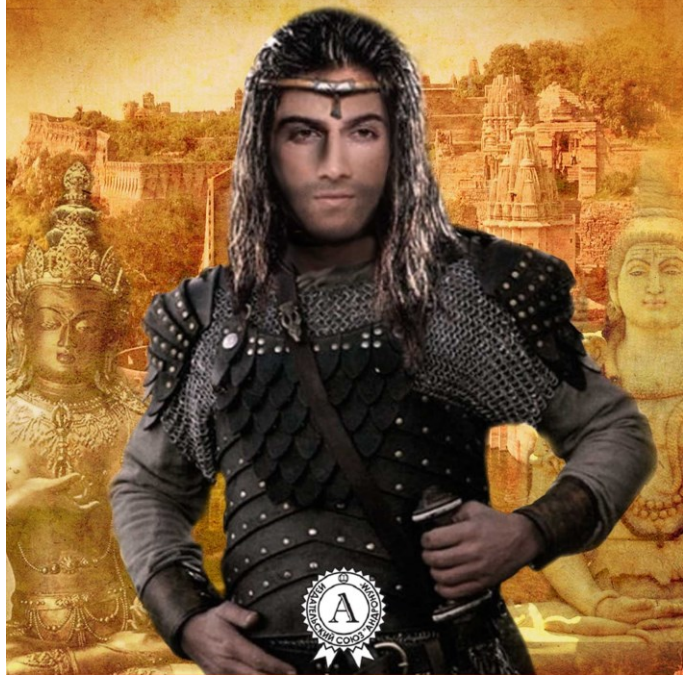

Брячеслав Галимов
ДОБРЫЙ
ЦАРЬ АШОКА

СОКРОВЕННЫЕ ИСТОРИИ ВОСТОКА

«Добрый царь Ашока» открывает трилогию под названием «Сокровенные истории Востока». Книга описывает события, происходящие в Индии в III веке до нашей эры. Царь Ашока, известный в истории мировой религии как покровитель буддизма, признанный самым кровожадным правителем Империи. Но внезапно он меняет свое мировоззрение и пытается покровительствовать благим деяниям...

Помимо указанной повести в трилогию также входят романы «Большая волна» и «Демоны острова Пасхи». Творчество Брючеслава Галимова гармонично соединяет исторические факты и вымышленные образы.

Брячеслав Галимов

ДОБРЫЙ ЦАРЬ АШОКА

«Все люди — мои дети. Все чего я желаю для своих детей, а я желаю им богатства и счастья, того я желаю и для всех людей».

Царь Ашока

Великая победа

— Расступись! Расступись! Дорогу! — кричал всадник, несущийся на хрипящей взмыленной лошади к царскому дворцу.

Осыпaeмый проклятиями людей, которые едва не попали под копыта, он добрался до царских ворот, бросил здесь лошадь и со всей силы стал стучать в узкое деревянное окошко:

— Откройте! Откройте во имя всех богов!

Окошко отворилось.

— Кто ты и что тебе надо? — спросили стражники.

— Я посланец от великого царя Ашоки к великой царице Кумари. У меня важное известие, — переводя дух и утирая вспотевшее лицо, отвечал гонец.

— Скажи пароль, — потребовали из-за ворот.

— Я больше года был в походе, — оттуда мне знать, какой сейчас пароль? Неужели вы не помните меня? Сколько раз я проезжал через эти ворота...

— Мы не можем впустить тебя без пароля, — упорствовали стражники.

— О, великие боги! — вздохнул гонец. — Хорошо, я попробую угадать, — раньше у нас были названия деревьев... Баньян?

— Нет.

— Пальма?

— Нет.

— Сандал?

— Нет.

— Бургу?

— Нет.

— Пунки?

— Нет.

— Так, может быть, джамбу? — гонец начал терять терпение.

— Не угадал.

— Гром меня порази! — вскричал отчаявшийся гонец. — Видно, мне никогда не войти!

— Заходи, — сказали стражники, открывая ворота. — Ты назвал пароль.

— Какой же он?

— «Гром». На прошлой неделе пароль был «молния», а перед этим — «гроза».

— Как всё переменялось: поди, догадайся, — проворчал гонец, проходя в ворота.

* * *

Царица Кумари отдыхала в нефритовом зале дворца в окружении своих рабынь. Она лежала на сафьяновой расписной кушетке, а рабыни пряли пряжу, вышивали и пересказывали царице дворцовые сплетни. Возле кушетки стояло кресло из красного дерева с вырезанными фигурами богов, — на нём сидел Самади, сын царицы. Со скучающим видом он читал какие-то записи.

— Тебе не нравится история о царевиче Сиддхартхе? — спросила Кумари.

— Нет, — сказал Самади. — По-моему, он просто блаженный. Разве боги сделали его наследником трона для того, чтобы он во имя безумных идей отказался от власти? И чего он достиг, став отшельником и нищим?

— Да, я тоже никогда не понимала этого, — сказала Кумари. — И почему твоему отцу полюбилась эта история?

Самади не ответил, но на его лице промелькнуло странное выражение.

— Так вы говорите, Джита вышла замуж? — обратилась царица к рабыням.

— Да, великая царица, — отвечали рабыни, — её выдали за водоноса. Парень очень недурен собой, но беден. Для Джиты и это большая удача, — ведь она проклята!.. Да, она проклята, родилась в плохой день, — такая девушка может принести несчастья и даже смерть своему мужу.

— У нас верят в это? — улыбнулась Кумари. — Какой же выход?

— Её выдали замуж сначала за глиняный горшок, потом знахарь прочитал заклинания и разбил его, а уж затем Джита вышла замуж за водоноса... Свадьба была бедной — у водоноса мало денег, но дело не только в этом: лишившись первого мужа, Джита осталась вдовой, а вдове неприлично устраивать пышную свадьбу... Подумать только: выйти замуж за глиняный горшок, — вот уж не хотела бы я такого мужа!

Рабыни рассмеялись.

— Я знала её мать, это была достойная женщина, — сказала Кумари. — Напомните мне, чтобы я отослала подарки Джите — для утешения и на радость. Ну как же, она потеряла одного мужа, но нашла другого!

Рабыни расхохотались больше прежнего. Кумари весело взглянула на сына, но тот сидел всё с тем же недовольным выражением лица.

В зал вошёл главный дворцовый распорядитель, он отвесил земной поклон и доложил:

— О, богоподобная царица, к тебе прибыл гонец от великого царя! Прикажешь впустить?

— Да, немедля! — Кумари встала с кушетки, подошла к креслу и сказала Самади: — Освободи мне место. Нет, не уходи, встань рядом!.. А вы ступайте, — приказала она рабыням.

...Гонец пал к ногам Кумари:

— Целую прах, по которому ходила великая царица!

— Ты привёз вести от царя?

— Я загнал трёх лошадей, великая царица! И четвёртая лошадь, наверное, издохнет, если её ещё не украли. Я оставил её у ворот дворца.

— Твоё усердие будет вознаграждено. Говори же, что велел передать царь.

— Полная победа, великая царица! Войско Ориссы разбито, эта страна теперь наша!

— Слава богам! Я непрестанно просила их о милости, — Кумари возвела глаза и молитвенно сложила руки. — Что ты молчишь? Ты понял, что произошло? — спросила она Самади. — Наше государство теперь самое большое и сильное в мире. Ты рад?

— Я рад за великого царя, — ответил Самади, изобразив подобие улыбки на лице.

— Как прошла битва? Расскажи нам со всеми подробностями, — повернулась Кумари к гонцу.

— О, это надо было видеть! — воскликнул он. — Я участвовал во многих битвах, но скажу тебе прямо — это была самая страшная и великолепная из всех битв. А наш царь был подобен Индре...

— Вот как? — перебил Самади. — Ты считаешь, что кто-нибудь из смертных может быть подобен предводителю небесного воинства?

— Царь Ашока подобен ему! — горячо сказал гонец. — Если кто сомневается в этом, пусть посмотрит на его деяния.

Самади промолчал.

— Так что же битва? — сказала Кумари гонцу. — Поднимись и рассказывай.

— Да, великая царица... Благодаря мудрости и заботам царя Ашоки мы имели лучшую армию, чем Орисса. Одних боевых слонов у нас было более трёхсот, когда у противника не насчитывалось и пятидесяти, — и каждый слон был облачён в доспехи из воловьей кожи, а лоб закрывали бронзовые наголовья. Хоботы слонов были прикрыты железными пластинами с острыми шипами, а бивни — стальными наконечниками, пропитанными ядом. Кто мог устоять перед такими грозными животными? Страшно было видеть, как они наступали, но чтобы слоны ещё больше

рассвирепели, царь приказал перед битвой вдоволь напоить их цельным вином. Вино дали и стрелкам, что сидели на спинах слонов в плетёных корзинах, метая дротики и стреляя из луков. Это придало бесстрашия воинам и наша атака стала неотразимой.

— А царь? Где был он? — спросила Кумари.

— В начале битвы великий царь взошёл на башню, которая располагалась сразу на двух слонах. Отсюда он мог видеть всё поле боя, а сигнальщики передавали его приказы флагами и барабанным боем. Однако в решающий момент битвы царь велел подать себе колесницу и понёсся на ней на врага. О, если бы видели это! — гонец восторженно всплеснул руками. — Его золочёная колесница неслась как молния, белоснежные вымпелы трепетали на ветру, а сам царь был грозен и прекрасен, как бог войны, — и я готов поклясться, что так оно и было!

— Но были и другие колесницы, атаковавшие врага? Или царь ринулся на целое войско в одиночку? — заметил Самади.

— Были и другие колесницы, — подтвердил гонец, — но они остались позади, не в силах угнаться за царской. Именно она влетела, как вихрь, во вражеские ряды; лучшие воины ориссцев были истреблены, их царь бежал, — и это обеспечило нам окончательную победу.

— А конница, а пехота? — продолжал допытываться Самади. — Разве они не участвовали в сражении?

— Что может пехота? Ополчение, мужичьё, они и сражаться-то как следует не умеют, — презрительно ответил гонец. — А конница у нас была превосходная, числом до десяти тысяч, — посмотрели бы вы, как она сшиблась во встречном бою с вражеской! Кони на всём скаку грудью били друг друга и падали наземь, подминая всадников, — хруст костей был слышен за пятьсот шагов! Небеса сотрясались от жуткого лязга мечей, от дробящих ударов булав, от яростных воплей сражающихся и их предсмертных криков. Ах, какая это была битва!

— Да, мужчины любят драться, без войны им скучно, — сказала Кумари. — Я думаю, что многие войны начинаются только из-за того, что мужчины скучают без них. Нам, женщинам, война приносит одни страдания, но мужчины находят в ней какой-то особый гибельный восторг. Если бы не мы, мужчины разрушили бы весь мир, — он держится только на женских плечах и под защитой женщин.

— Кто же начал битву, как всё было? Расскажи с самого начала, — приказал Самади гонцу, не обращая внимания на слова матери. — Пока мы слышали от тебя мало дельного.

Гонец обиделся.

— Твоя воля, царевич, — поклонился он, приложив руку к груди, и стал отрывисто рассказывать:

— Оба войска выстроились на равнине. Наше положение было выгоднее: мы встали по солнцу. Воинам орисской армии приходилось щуриться, чтобы разглядеть нас. Первыми начали они: выпустили вперёд метателей копей и лучников. Мы укрылись щитами и вред был небольшой. Затем наши копьёметатели и лучники обстреляли орисское войско: враг понёс значительно больший ущерб, чем мы.

Тогда на нас двинули слонов, но они не шли ни в какое сравнение с нашими — были плохо обучены и пугливы. Мы кололи их копьями в брюхо и пускали стрелы по ногам; слоны обезумели и бросились назад. Строй орисского войска был нарушен, и этим тут же воспользовался великий царь, — всё более оживлялся гонец. — Он приказал направить в атаку наших слонов; их удар был сокрушителен, орисская пехота побежала.

У врага остался последний шанс добиться успеха — использовать конницу. Она сумела обойти наше войско и атаковала нас с тыла. О, это был решающий момент, — всё могло плохо кончиться для нас! Но царь сразу же бросил

навстречу врагу нашу конницу, — какой это был бой, какой страшный и великолепный бой!..

— Ты это уже говорил, — прервал его Самади.

— Да, царевич... — запнулся гонец, но тут же продолжил: — И вот тут-то великий царь нанёс последний смертельный удар по врагу: я говорю об атаке наших колесниц прямо на ставку орисского царя. Колесницы противника, пытавшиеся преградить нашим дорогу, были сметены и повержены, а телохранители орисского царя, хотя и сражались храбро, все погибли... Победа, полная победа! — вновь воскликнул гонец. — Слава великому царю!

Самади хотел что-то сказать, но Кумари перебила его:

— Так столица Ориссы теперь наша?

— Да, великая царица. Там сейчас находится великий царь, который шлёт тебе низкий поклон и сердечный привет, — гонец поклонился до пола.

— Город был, наверное, разграблен? — продолжала спрашивать Кумари.

— Да, на три дня великий царь отдал его нашим воинам.

— Представляю, что там творилось. Мужчины, распалённые войной, ведут себя, как дикие звери, — сказала Кумари. — А царь? Воспользовался ли он плодами своей победы?

Гонец вопросительно посмотрел на неё.

— У него было пиршество? К нему привели женщин? — спросила Кумари.

— Да, великая царица. Пир был роскошен, а женщины...

— Ну, говори! Чего остановился? Мне ты можешь сказать всё.

— Царю привели самых красивых женщин; он выбрал двенадцать из них, — они были с ним на пиру и в опочивальне.

— Двенадцать? Какой пыл вызвала у него победа! — по лицу Кумари нельзя было понять, говорит она серьёзно или шутит. — Он отдал предпочтение какой-нибудь из них?

— Нет, великая царица. Царь был ровен со всеми, ни одна из них не тронула его сердце, — ответил хитрый гонец.

— Что же, иди, отдыхай... Ты принёс нам благую весть; зайди к моему казначею, пусть он даст тебе столько золота, сколько ты сможешь унести в руке.

— О, великая царица, твоя милость безгранична! — гонец пал ниц перед царицей, а потом, пятясь и непрерывно кланяясь, исчез за дверьми.

— Почему ты такой мрачный? — спросила Кумари сына. — Разве тебя не радует победа царя?

— Это его победа, а я... — не закончил Самади.

— А ты — наследник царя! Всё что он завоевал, рано или поздно перейдёт тебе. Так почему же ты не радуешься? — Кумари погладила сына по щеке.

— Рано или поздно... — угрюмо ответил он.

— Наша жизнь — во власти богов. Только они знают, сколько и чего нам отмеряно, — загадочно произнесла царица.

* * *

Царь Ашока, пресыщенный и усталый, возлежал на роскошной кровати в парадной спальне захваченного дворца орисского правителя. Царь был полуобнаженным, шелковое покрывало было накинуто на его чресла. У ног царя свернулась клубком молодая наложница, она положила голову на его колени, — он гладил её, а она томно мурлыкала, изображая кошку. Остальные наложницы спали на разбросанных по полу подушках.

Царь лениво разглядывал убранство спальни, — оно было роскошнее, чем в его дворце. Потолок был из тёмно-зелёной, желтой и голубой яшмы; стены от потолка отделял карниз из сандалового дерева с золотым орнаментом; сами

стены были из нефрита, таких же оттенков, что яшма на потолке. Пол устилали искусно вырезанные плиты из сандала и хлебного дерева; они были так плотно пригнаны друг к другу и так гладко отшлифованы, что казались одной блестящей твердью.

Огромная резная кровать из горного кедра стояла на столбцах, сплошь покрытых лазуритом, — этот же камень был пущен по краям кровати и по изогнутому каркасу балдахина, а сам балдахин был выткан из тончайшей кисеи нежного голубого цвета, с золотыми шнурами. Из горного кедра, покрытого лазуритом, были и низкие широкие кресла и скамьи, что стояли вдоль стен.

Подлинным украшением спальни была бронзовая фигура богини Лакшми в рост человека, — ожерелья и браслеты богини были из чистого золота и украшены изумрудами, на голове сверкал алмазный венец. Богиню окружали четыре слона из аметиста, высотой ей по пояс; хоботы слонов были серебряными, клыки — из настоящей слоновой кости, а на спины накинута попоны из золотой филиграни.

Глаза царя слипались, ему мерещилось, что богиня Лакшми ласково улыбается ему, а слоны трубят в его честь, — но тут раздалось чье-то осторожное покашливание, и Ашока проснулся. Он

увидел начальника своей стражи, почтительно склонившегося перед кроватью.

— Что тебе? — сонно спросил Ашока.

— Великий царь, к тебе просится Питимбар, — сказал начальник стражи. — Он говорит, что у него срочное дело, и ты знаешь, какое.

Ашока вздохнул:

— Пусть войдёт... Отдохните в других покоях, мои красавицы, — прибавил он, обращаясь к наложницам. — Ваши ласки дорогого стоят, вы будете щедро вознаграждены... А ты, моя кошечка, получишь самый красивый перстень из казны орисского царя, — потрепал он по щеке наложницу, лежавшую у него на коленях. — Иди, я ещё призову тебя...

В спальню вошёл высокий человек несуразной наружности: он имел непомерно большую круглую голову, его маленькие глазки были похожи на плоски; узкий, будто обрубленный подбородок был скошен в правую сторону, а длинный кривой нос — в левую. Это был Питимбар, которого с раннего детства приставили к Ашоке, дабы развлекать его, а также выполнять различные мелкие поручения. Когда Ашока стал царём, Питимбар остался при нём на должности то ли царского шута, то ли порученца, — во всяком случае, Ашока безусловно доверял ему.

— Ну, нашёл? — спросил царь.

— Смотря что, — ответил Питимбар, сильно покачнувшись и едва не завалившись на кровать.

— Фу, опять напился! — поморщился Ашока.

— Но не до состояния свиньи, тигра и даже попугая, — гордо сказал Питимбар. — Знаешь эту притчу?... Решил как-то один человек наварить вина. Сложил очаг под большим деревом, развёл огонь и поставил на него горшок с настоем цветов дерева махуа. Долго держал он горшок на огне, но за целый день не добыл вина ни единой капли. Пошёл он тогда к знахарю и попросил у него совета.

— Сруби дерево, под которым ты сложил очаг, наруби из него дров и этими дровами топи свой очаг. Тогда вина будет столько, что у тебя для него и посуды не хватит.

Поспешил человек обратно, срубил дерево, нарубил дров и стал бросать их в очаг.

А то дерево давало приют четырем живым тварям: скворцу, попугаю, тигру и дикой свинье. По утрам они отправлялись куда кому надо было, а с заходом солнца возвращались к дереву и проводили ночь под его защитой.

В тот вечер они, как всегда, спешили к своему дереву. Первым прилетел скворец. Увидел он, что дерево срублено на дрова и дрова бросают в печку. Жалко стало скворцу дерево, которое защищало

его, и с горя он бросился в огонь. Сразу закапало вино из горшка.

Потом вернулся попугай и тоже увидел, как горит в очаге дерево, на котором он жил. Жалко стало попугаю дерево, и с горя он тоже бросился в огонь. Ещё быстрее стало капать вино.

Потом пришел тигр. Ему тоже горько было видеть, как горит дерево, и в великой печали тигр тоже бросился в огонь. Ещё быстрее потекло вино у винокура.

Вернулась наконец и свинья. Она, как и другие, вне себя от горя бросилась в огонь. Струей хлынуло вино из горшка в посуду. Обрадовался винокур, что много добыл вина.

Говорят, что с того самого дня от этих четырех лесных тварей вино и получило главные свойства. Потому-то когда человек выпьет вина одну чашечку, то начинает речи вести весело и радостно, будто певчий скворец. После второй чашки разговор идет ещё веселее, но делается он крикливым, будто трескотня попугая. Человек порывается петь и песни поёт во все горло. После третьей чашки он мнит себя тигром: начинает хвастаться и задираться, кулаками машет и рыком своим показать хочет, будто на свете нет никого сильнее. А в конце концов становится он свиньёй. И себя не помнит, и всякое соображение теряет, —

не понимает, что хорошо, а что плохо. Несут его ноги неведомо куда, и валится он где попало...

Так вот, я — скворец! Мне весело и радостно.

— Как же ты надоел мне со своим пьянством, — гляди, прикажу всыпать тебе десятка три палок по пяткам, вмиг протрезвешь, — нахмурился Ашока.

— Да, чтобы потом напиться вдрызг от огорчения. Тогда хоть крепостной башней бей, ничего не почувствую, — отозвался Питимбар.

— Да я просто прикажу утопить тебя, как шkodливого кота, а не то запру в темнице без капли хмельного, на воде и хлебе, — с нарочитой угрозой произнёс царь. — Что ты выбираешь?

— Захлебнуться водой или погибнуть от воды? Какой же здесь выбор? — удивился Питимбар. — Все считают тебя мудрым, великий царь, а я вижу, что ты не блещешь умом. Больше того тебе скажу...

— Поговори у меня! — оборвал его царь. — Много себе позволяешь! Пользуешься моей добротой.

— Ха, добротой! — пьяно рассмеялся Питимбар. — Если ты думаешь, что ты не только мудр, но и добр, ты ошибаешься ещё больше. Спроси у жителей этого города, коли мне не веришь.

— Хватит! Не лезь, куда тебя не просят, — сказал Ашока уже всерьёз. — Расскажи лучше, что ты нашёл.

— Правда глаза колет, — пробурчал Питимбар. — Ладно, не хочешь слушать про то, что действительно важно, слушай про то, что тебе интересно... Значит, разыскал я дворцового смотрителя, который знает все тайные ходы дворцового подземелья. Старик оказался крепким и несговорчивым: пытайте, поджаривайте на медленном огне, говорит, а ничего от меня не добьётесь. Ну, пытаться я его не стал, а завёл с ним душевный разговор; сперва он ни в какую не хотел со мной разговаривать, а после, слово за слово, и разошёлся, — а уж когда мы с ним распилили третий кувшин вина, тут и вовсе никаких тайн не осталось!.. Понял, отчего я пьяный? Твой же приказ выполнял, а ты меня этим попрекаешь, да грозишься ещё жизни лишиться, — Питимбар всхлипнул.

— Вот шут! — усмехнулся Ашока. — Сладу с тобой нет. Не валяй дурака, продолжай.

— Если я шут, то как раз должен валять дурака, — сказал Питимбар. — Это опять к вопросу о твоей мудрости. Интересная вещь получается — глупцы считают себя мудрецами, а мудрецы — глупцами. Выходит, что мудрость вообще не существует?

— Перестань! Продолжай свой рассказ и не мудрствуй напрасно, — оборвал его царь.

— Да, это бесполезно, — согласился Питимбар. — Продолжаю. Старик призвал своих помощников и мы пошли в подземелье. О, боги, как там было страшно, что нам довелось испытать! Вначале мы шли длинным узким ходом, который весь был опутан липкой паутиной. Мириады насекомых хрустели под нашими ногами, а некоторые из них забирались под одежду и ползали по телу, поднимаясь до самой шеи. В конце тоннеля была массивная дверь, покрытая толстым слоем плесени; в тусклом мерцающем свете факелов я увидел, что эта отвратительная слизь шевелится и вспучивается. Старик нажал какой-то потаённый рычаг и дверь отворилась; перед нашими глазами была тёмная бездна, оттуда пахнуло могильным холодом. Мы привязали верёвки к вбитым в стену железным крючьям, и стали спускаться; мне казалось, что внизу нас поджидает нечто ужасное, какое-нибудь чудовище со щупальцами, которое в любой момент может схватить меня за ногу.

Мы спускались долго, и когда, всё же, достигли дна, старик совсем изнемог: он прохрипел, чтобы дальше мы шли без него. Помощники явно боялись идти одни — и было отчего! Смертельные ловушки подстерегали нас на каждом шагу, едва мы двинулись вперёд, как пол

разверзся у нас под ногами. Пришлось ждать, пока старик отдышится и сам поведёт нас; без него мы погибли бы. Чего тут только не было: откуда-то падали массивные камни, вылетали острые стрелы, начинали вращаться огромные жернова! В довершение всего в этом подземелье было столько запутанных коридоров, что без старика мы остались бы здесь навечно.

Наконец, мы подошли к ещё одной двери, старик отворил и её. Мы очутились в громадной пещере, которая была вся заставлена коваными сундуками. Там были золотые монеты, бесценные украшения, золотая посуда с дорогими камнями и такое же оружие. Два сундука были доверху наполнены алмазами, из которых некоторые превышали своими размерами голову ребёнка.

— Ну уж, — недоверчиво сказал царь.

— Да не «ну уж», а так и есть! — возразил Питимбар. — Я не был пьян, хмель выветрился по дороге; я видел всё это сам.

— Когда же ты успел снова напиться? — удивился Ашока.

— А когда мы вылезли из этого проклятого подземелья, вот тут и выпил на радостях, — объяснил Питимбар.

— Причина всегда найдётся, — усмехнулся Ашока.

— На твоей службе — да, великий царь, — нахально ответил Питимбар.

Ашока сделал вид, что не заметил его дерзости.

— Надо перевезти эти богатства в мой дворец, — сказал он. — Но так, чтобы об этом никто не знал.

— Я уже распорядился от твоего имени. Старик и его помощники всё сделают, — ответил Питимбар. — Только они просят приставить их стражами к сокровищам и в твоём дворце.

— Этим людям можно доверять? — спросил Ашока.

— Хранить сокровища — смысл их жизни. Эти люди будут служить тебе столь же верно, как они служили орисскому царю, — сказал Питимбар.

— Хорошо, да будет так, — согласился Ашока. — Но что же ты молчишь о главном? — он со значением посмотрел на Питимбара.

— А нету главного, — отвечал Питимбар. — Нету.

— Но мне рассказывали, что оно хранится именно здесь, — царь не сводил глаз с Питимбара.

— Мало ли, кто чего рассказывает! — махнул рукой Питимбар. — Я тебе могу такого порассказать, — особенно после выпивки.

— Нет, я верю этим рассказам, — упрямо сказал Ашока. — В «Махабхарате» говорится, что

небесная повозка царя Майасуры имела двенадцать локтей в длину и использовалась для метания пылающих снарядов. В «Рамаяне» сказано, что небесная повозка Раваны, повелителя ракшасов, напоминала Солнце или облако, блестящее в небесной выси. Она была способна домчать Равану в любую точку земли и неба. В других поэмах говорится о небесных колесницах, подобных цветку лотоса и таких больших, что на них перевозили слонов. Когда Сурьяпрабха воевал с раджей Шруташарманом, он приказал доставить на небесных колесницах слоновье войско, — а когда началась битва, Сурьяпрабха перебросил подкрепление по воздуху своему союзнику Прабхасе.

На небесной повозке путешествовала Сомапрабха, дочь асуры Майя, к своей подруге Калингасене, чтобы помочь ей найти мужа. Раджа Хемапрабха построил такой небесный корабль для того, чтобы доставить дочь к зятю. Раджьядхара построил небесную колесницу, чтобы помочь царевичу Нараваханадатте перелететь через океан и найти на острове Карпурасамбхава свою невесту. Разве всего этого недостаточно, чтобы поверить в то, что летающие повозки были у наших предков? А есть и много других свидетельств...

Но если небесные колесницы существовали, то должна же остаться хоть одна из них? А если

осталась, то где ей ещё быть, как не в Ориссе? Ведь известно, что ориссцы водили дружбу с всезнающим народом йонов, которые являлись наиболее искусными строителями небесных колесниц. Ориссцы, в силу своей природной трусости, боялись летать на такой колеснице, они где-то спрятали её.

Что касается ваджры, священного меча, то наш лазутчик сообщил мне, что видел его у здешнего царя. Это мощное оружие: он может резать что угодно, и разит, как молния. От самого Индры, царя всех богов, ваджра был вручен его потомкам, а затем потомкам их потомков, — и так в течение тысяч лет, пока хитрый и коварный царь Ориссы не овладел священным мечом. Напрасно, однако, этот ничтожный смертный возомнил себя могущественным наследником Индры, ведь ваджра проявляет свою силу лишь в руках достойного человека. Вот ориссцы и потерпели поражение, а их небесная повозка и священный меч теперь по праву будут принадлежать нам. Ты понимаешь, как важно их найти? Ты хорошо искал?

— Говорят тебе — нету! Вот привязался! — возмущённо воскликнул Питимбар. — Старик знал бы, если бы это было здесь. Никогда в этом дворце не хранились ни небесная колесница, ни священный меч.

— Где же они тогда? — сказал Ашока. — Где их искать?

— По-прежнему хочешь покорить весь мир? Для этого тебе нужны небесная колесница и священный меч? — язвительно улыбнулся Питимбар.

— Молчи, дурак! Хватит испытывать моё терпение, — жёстко оборвал его Ашока. — Тебе уже сказано — не лезь не в своё дело.

— Как же это не моё дело, если я тоже часть этого мира? Мне не всё равно, что с нами будет, — с миром и со мною, — возразил Питимбар, ничуть не испугавшись. — Вам, царям, лишь дай волю, вы такое с нами сделаете...

— Всё, кончилось терпение! — Ашока запахнул покрывало и встал с кровати. — Эй, стражники, сюда!

— Бей! У кого не хватает слов, тот пускает в ход силу. Разве я не говорил, что ты глуп? — с пьяной решимостью продолжал Питимбар. — Ага, вот идёт тот, кто утвердит тебя в твоём намерении завоевать мир!

* * *

В спальню вошёл Мукеш, визирь царя Ашоки.

— Прости, великий царь, — сказал он, — я слышал, как ты звал стражников, но я остановил их.

Не соизволишь выслушать мой доклад? Есть срочные вопросы.

— Соизволит, — ответил Питимбар за Ашоку. — Ты пришёл вовремя.

— Он будет присутствовать? — спросил визирь у Ашоки, кивнув на Питимбара.

— Сядь и молчи, — Ашока толкнул Питимбара на подушки на полу. — Говори, он нам не мешает, — обратился он к визирю.

— Слушаюсь, великий царь, — поклонился Мукеш. Он развернул принесённый с собой свиток и, заглянув в него, сказал: — Покорение Ориссы не только позволило нам полностью окупить все расходы на войну, но и умножило нашу казну больше чем на половину, — если великий царь пожелает, я сообщу точные цифры.

— Не надо, — махнул рукой Ашока, — я после посмотрю.

— Ценности, которые мы получили здесь... — сказал Мукеш.

— ...И которые ещё получим, — не удержался Питимбар. Царь пнул его ногой, чтобы он замолчал.

— ...Имеют великую стоимость, — продолжал Мукеш. — Если считать всё вместе — золото, самоцветы, ремесленные изделия, зерно, скот и прочее — получится... — он снова заглянул в свиток.

— Я посмотрю после, — повторил Ашока. —
Говори суть.

— Эта сумма, однако, может быть существенно дополнена. Во-первых, за счёт дани, которую мы наложим на народ Ориссы. Пусть они вначале заплатят нам единовременный налог как наказание за военные действия против нас, а потом будут платить увеличенный постоянный налог, на который мы имеем полное право как победители, — пояснил Мукеш.

— Но как они смогут заплатить такую дань? — с сомнением произнёс Ашока. — Мы обрекаем их на лишения и нищету.

— Это не должно волновать великого царя, — возразил Мукеш. — Если бы они победили, то поступили бы с нами точно так же. Люди все одинаковы... Во-вторых, помимо дохода от всех ценностей, которые мы захватили в этой стране, помимо дохода от дани, которую мы получим с её жителей, мы можем получить доход от продажи рабов. Считая солдат, взятых нами в плен, считая рабов орисского царя, которые тоже теперь наши, считая жителей Ориссы, обращённых в рабство, у нас около ста пятидесяти тысяч человек, готовых к продаже.

— Так много? А сколько же всего ориссцев пострадало? — удивился Ашока.

— Более двухсот тысяч изгнано, более ста тысяч убито, и ещё многие умрут от последствий войны, — сообщил Мукеш. — Окончательные итоги будут подведены позже.

Ашока переменялся в лице.

— О, боги, сколько же бед мы натворили! — воскликнул он.

— Визирь с гордостью говорит тебе об этих ста тысячах убитых, изгнанных и порабощённых, а ты ужасаешься, — сказал ему Питимбар. — Гордись и ты: какая славная победа!

Ашока нахмурился и призадумался, а визирь продолжал:

— Работорговцы ждут, когда мы начнём продавать рабов, но если мы станем делать это прямо сейчас, то понесём большие убытки: рабов так много, что цены на них будут очень низкими. С другой стороны, держать столько рабов у себя накладно: их надо кормить, охранять, а могут ещё вспыхнуть болезни, которые уничтожат всё что мы имеем.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Ашока, потирая виски.

— Я предлагаю убить две трети рабов; в этом случае цена на оставшуюся треть так поднимется, что мы получим хорошую прибыль — значительно большую, чем если мы продадим всех доставшихся

нам рабов, но по дешевой цене. У меня всё точно подсчитано, — Мукеш показал свой свиток.

— Ты хочешь убить сто тысяч человек? — Ашока изумлённо посмотрел на визиря. — Только ради того, чтобы поднять цену на оставшиеся пятьдесят тысяч?

— Почему это удивляет великого царя? Под ударами твоего победоносного войска пало тоже сто тысяч человек. Ценой их жизни стали богатства, которые мы получили. Почему же мы не можем убить ещё сто тысяч человек для такой же цели? — возразил Мукеш.

— Да, почему? — подхватил Питимбар. — Будь последовательным, великий царь.

— Но одно дело — убивать в бою, а другое — убить безоружных, — слабо заспорил Ашока.

— Ты сам-то веришь в это? — сказал Питимбар. — Цель у тебя одна: если ты готов убивать во имя власти и богатства, какая разница — вооружённые или безоружные люди перед тобой?

При этих словах Питимбара на лице Мукеша вдруг промелькнула презрительная усмешка, непонятно кому предназначенная — царю или его шуту.

Ашоку передёрнуло.

— Иди, визирь, — сказал он. — Сегодня я не дам тебе ответа.

— Как долго мне ждать? — спросил Мукеш.

— Не знаю... Я отвечу, когда придёт время.

— И ты убирайся, — приказал царь Питимбару, едва за визирем закрылись двери. — Надоел.

— Как совесть? — вставил Питимбар, тяжело поднимаясь с подушек.

— Какая ты совесть, пьяный дурак! Перед своей совестью я отвечу...

— ...Когда придёт время, — закончил за него Питимбар.

Поиск пути

Двенадцать сундуков с сокровищами орисского царя были подняты из подземелья и доставлены в тайную комнату дворца. Ашока пришёл сюда в сопровождении Питимбара, тот не обманул: в сундуках действительно хранились неисчислимые богатства. Мельком взглянув на сундуки, доверху наполненные золотыми монетами, Ашока принялся рассматривать драгоценности. Он никогда в жизни не видел таких алмазов, изумрудов, сапфиров, рубинов — здесь были камни огромных размеров, необыкновенных оттенков, не говоря уже о непостижимом мастерстве огранки.

Столь же великим мастерством отличались ювелирные изделия, оружие и посуда: так, в одном

из сундуков хранились женские украшения, выполненные в одинаковой манере, из одних и тех же видов камней, но в разном их сочетании — ожерелья, кольца, браслеты, серьги, диадемы, броши были свиты из золотых нитей и усыпаны алмазными цветами с сотнями сапфировых, изумрудных и рубиновых капель; по центру же каждой вещи были выведены по три удивительных голубых бриллианта, точь-в-точь похожих друг на друга и соразмерных тому украшению, в котором были помещены. Сундук был так громаден, что женщина, вознамерившаяся надеть эти украшения, могла менять их каждый день в течение, по крайней мере, нескольких недель.

В другом сундуке лежали мужские украшения: наплечники, поножи, нагрудные пластины, пояса, шейные цепи, перстни и многое другое. Всё это также было сделано из золота, с драгоценными камнями, но самую большую ценность имела корона высотой в половину локтя — её передняя часть представляла собой древо жизни с густой кроной; она была сплошь покрыта крупными бриллиантами, а вершину увенчал чёрный алмаз величиной в кокосовый орех.

В трёх сундуках была сложена золотая посуда: кувшины, чаши, блюда, кубки и затейливые вазы для сладостей и фруктов. Помимо самоцветов, на них была тончайшая резьба и маленькие лаковые

картины на эмали, с изображёнными на них сказочными и настоящими животными, птицами, растениями и плодами.

Перед сундуком с оружием Ашока задержался надолго, он поглаживал роскошные рукоятки кинжалов, широких сабель и мечей, разглядывал тончайшие лезвия с вырезанными на них мудрыми изречениями, примерялся, как подойдёт та или иная сабля к его руке. Одну из них он привесил к своему поясу: её ножны и рукоять украшали сцены охоты на львов, а глаза животных сияли рубинами.

— Это я возьму себе, — сказал царь, — остальное отвезёшь к нам домой. Но не вздумай тащить сундуки в мой дворец, — спрячь их в Старом городе в моём особом хранилище, и пусть сокровища охраняют этот старик и его помощники, что охраняли их здесь. Ты понял?

— Я понял — ты что-то замышляешь, но не понял, что именно? Ты хочешь завоевать мир с помощью этих сокровищ или спасти его? — спросил Питимбар, почесывая за ухом.

— Не твоего ума дело, — отрезал царь.

— Учти, золото ещё никого не спасло. Не забывай о верблюдах, которые лезли на крышу, — глуповато прищурившись, сказал Питимбар.

— Что за чушь? Как верблюды могут лезть на крышу? Опять твои дурацкие шутки? — недовольно произнёс Ашока.

— Нет просто притча, если позволишь, великий царь, — Питимбар низко склонился перед ним.

— Говори уже, от тебя не отвяжешься, — сказал Ашока.

— Один царь имел обыкновение просить всех, кто появлялся в его царстве, указать ему путь к духовному спасению. Каждый называл свой способ, опираясь либо на священные тексты, либо на высказывания уважаемых людей, и говорил, что именно этот путь и может привести к спасению. И вот, близкому к царю слуге (ну, такому, как я!) пришлось выслушать множество описаний правильного пути, но он понял, что царь не пытается пойти ни по одному из них. Тогда в один прекрасный день, когда царь сидел в тронном зале и, как обычно, вёл разговор о правильном пути, слуга вбежал с громким криком. Царь поднялся и спросил, отчего он кричит. Тот ответил, что все дворцовые верблюды карабкаются на крышу дворца, а потом бросаются с неё вниз. Царь спросил, как же верблюды могут влезть на крышу? И слуга ответил, что если царь, утопая в роскоши, мечтает одолеть путь, ведущий к спасению, то нет ничего удивительного и в том, что верблюды карабкаются на крышу, а потом бросаются вниз, — тут Питимбар подпрыгнул и упал на пол

Ашока усмехнулся:

обращаются с невестами? — весело отвечал Питимбар.

Ашока только вздохнул.

— Поезжай и сделай всё по-хорошему.

— А ты? Ты, что, остаёшься? — спросил Питимбар.

— Я приеду, когда сочту нужным, — сердито ответил царь.

* * *

После отъезда Питимбара царь отпустил отдыхать всех своих слуг и вернулся в ту же тайную комнату, где недавно стояли сундуки с сокровищами. Здесь его ждал крепкий мужчина средних лет с суровым выражением лица.

— Ты готов, великий царь? — спросил он.

— Да, — решительно ответил Ашока.

— Поклянись, что никто и никогда не узнает о виденном и слышанном тобою сегодня.

— Моего слова достаточно? Я даю слово, — гордо сказал Ашока.

— Твоё слово многого стоит, великий царь, — поклонился ему мужчина. — Иди же за мной.

Мужчина провёл царя через множество коридоров, несколько раз пришлось спускаться и подниматься по лестнице, местами пригибаться до пола и ползти на четвереньках. Ашока невольно